

Сектор философии естественных наук Института философии Российской академии наук
Факультет философии и социальных наук Белорусского государственного университета
Институт общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного
национального исследовательского университета
Институт философии и социально-политических наук Южного федерального университета
при информационной поддержке журнала «Вопросы философии»

**Международный междисциплинарный colloquium
«Региональные онтологии в современной науке:
понимание между опытом и знанием»**

16 июня 2023 г.

Б.И. Пружинин, Т.Г. Щедрина

**ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ НАУКИ:
О ЗНАЧЕНИИ «РЕГИОНАЛЬНЫХ ОНТОЛОГИЙ»**

Преамбула

В современной науке – и естественной и социально-гуманитарной – все более отчетливо проявляются две по сути противоположные и в то же время взаимодополняющие тенденции. С одной стороны, нарастает дифференциация дисциплин, каждая из которых вырабатывает свой особый язык и свои общие представления об исследуемой реальности, а с другой, складываются полидисциплинарные исследовательские программы, предполагающие сотрудничество (именно сотрудничество, а не параллельную работу) ученых различных специальностей. Эта проблемная для науки ситуация, естественно, оказывается в центре внимания философско-методологической рефлексии. И одним из перспективных направлений осмысления и решения возникающих здесь проблем является, на наш взгляд, эпистемологическое соотнесение указанных тенденций в контексте феноменологической идеи «региональных онтологий».

Термин «региональные онтологии» ввел в эпистемологические контексты Эдмунд Гуссерль для обозначения вариантов представления о познаваемом «сущем» в различных областях научного знания. Примерно спустя столетие, когда процессы регионализации научных дисциплин проявились уже в полной мере, Вячеслав Семенович Степин фактически для тех же целей использовал методологически нагруженный термин «дисциплинарные онтологии». Заметим, потребность в таких терминологических нововведениях появилась в области философско-методологической рефлексии над наукой не так давно. Со второй половины XIX века в науке нарастали процессы дифференциации дисциплин, предметные области которых становились все более специфическими и в плане языка их описания, и с точки зрения методов их исследования. К XX столетию этот процесс дисциплинарной дивергенции затронул научную картину мира, изначально предполагавшую структурное единство, а стало быть, и методологическую соотносимость различных областей, направлений и даже типов научного исследования реальности. И более того, процесс этот настолько усилился, что фактически лишил научную картину мира той философской, по сути, роли, которую она, именно благодаря своей системной целостности, исполняла, убедительно демонстрируя объективность научного знания. Мир предстал в научной картине как внутренне согласованное целое, куда могли быть

вписаны новые результаты научного, претендующего на отображение реальности, познания.

Указанная философская роль научной картины мира, как правило, не особо подчеркивалась учеными. Реальность описываемого наукой мира представлялась им очевидной, а споры о статусе отображения характеристик этой реальности, в конечном счете, были похоронены позитивизмом как пустая метафизика. Внутренняя системность общенаучной картины мира (от природы до человека) была гарантом принципиальной соотносимости научного знания с реальностью. А главное, эта систематизирующая картина мира выполняла еще одну, как бы служебную, но при этом значимую функцию, она ориентировала ученых не только в организационно-коммуникативном плане и сфере образования, но и в плане определения предметных границ дисциплин и типов знания. Она определяла их место и статус в системе научного знания, а также допустимые уровни взаимного проникновения. Это было важно в методологическом плане. И не случайно, как раз тогда, когда дисциплины, составляющие единую картину мира, начали интенсивно дивергировать, в Венском кружке возникла компенсаторная, по сути, идея разработки единого, универсального языка науки (фактически означавшая редукцию всех наук к языку физики). Но не случайно также, именно распад общенаучной картины мира, вызвавший выхолащивание ее предметного содержания и потерю ее методологической значимости для отдельных дисциплин, вновь вернул интерес философов к вопросу о соотношении дисциплинарного знания и предметной реальности, а значит и к проблеме оснований единства научного знания.

В середине прошлого столетия к методологическим аспектам этой, по сути, фундаментальной для науки проблемы обратилась постпозитивистская философия науки, а затем социальная эпистемология. Они обосновывали единство, но уже не общей содержательно фундированной научной картины мира, а локальных объединений ученых, работающих внутри несоизмеримых друг с другом парадигм. Однако в науке того времени начался и обратный дифференциации дисциплин и научных сообществ процесс развертывания междисциплинарных исследовательских программ, заставивший философов вернуться к предметным основаниям научной картины мира. В контексте столкновения этих процессов, в рамках философии, обращенной к научному познанию, возник вопрос о соотношении бытия и сущего, т.е. об онтологии и ее познавательных функциях. Очень точно этот вопрос выразил на своем философском языке в статье «Время картины мира» Мартин Хайдеггер: бытие начало «отрываться», «отделяться» от сущего, так что онтология и метафизика начали расходиться. Сегодня мы этот распад принимаем как факт. Более того, мы уже принимаем как норму радикальную дифференциацию научных дисциплин, предметная реальность которых приобретает индивидуальные черты.

Наука XXI века это не только дифференциация, но и междисциплинарные, экспериментально-поисковые исследовательские программы, в рамках которых процесс познания приобретает коллаборативный характер. В реализации таких целенаправленных полидисциплинарных программ принимают участие специалисты из разных научных дисциплин, хотя, естественно, и обремененные своими, очевидно, региональными представлениями о «сущем». Структурные контуры этих программ очерчиваются вполне определенными теоретическими конструкциями, разработанными в рамках вполне определенных дисциплинарных направлений. Примером такого рода конструкции может служить гипотеза Питера Хиггса о существовании особого рода микрообъектов – W-и Z-бозонов, ставшая основанием для построения мощной технической, т.е. уже вполне материальной конструкции мегасайенс – Большого адронного коллайдера. Но чтобы эта техническая конструкция заработала, необходимо сотрудничество нескольких тысяч ученых очень разных специальностей – от профессионально-технических до высоко-математических. Очевидно, для того чтобы основанное на такого рода сотрудничестве

междисциплинарное исследование состоялось, необходима «надстройка» в виде особого рода региональной онтологии – гипотетической конструкции, отчасти специально-научной, но, по преимуществу, языково-метафорической, призванной обеспечить взаимопонимание участников единой программы. И очевидно также, что структурировать эту онтологическую, по своей сути, «надстройку», способную обеспечить выполнение ее эпистемологических функций в современной науке, может только философ, по своему участвующий в реализации междисциплинарных программ наравне учеными. Он фактически несет ответственность за «общное» (в общении возникающее) поле разговора, взаимного понимания, которое делает возможным координированное сотрудничество ученых, весьма по-разному осмысливающих и, соответственно, по-разному представляющих познаваемую реальность.

На передний план здесь выходит феномен осмысления познавательных целей междисциплинарных программ, феномен понимания, обеспечивающий благодаря своему особому эпистемологическому статусу общение ее участников и уразумение смысла коллаборативной исследовательской работы ученых. В ходе общения они осознают методы реализации этих программ, границы и роль своего участия. Эпистемологический анализ этого интеллектуально-экзистенциального феномена – чрезвычайно широкая тема. В данном случае важно, что начавшиеся в прошлом веке и продолжающиеся в современной науке сдвиги удастся достаточно ясно представить и проанализировать в рамках феноменологически ориентированной культурно-исторической эпистемологии.